

ПИЛИПОВИЧ РАДОВАН

Доктор исторических наук
Архив Сербской православной церкви
beriozushka@gmail.com

Церковные группировки русской эмиграции (1920–1940) между Белградом и Константинополем

Аннотация: В работе на основании архивных материалов, главным образом, Сербской православной церкви рассматривается каноническое и правовое, а также церковно-дипломатическое положение эмигрантской иерархии Русской православной церкви, которая в Королевстве СХС/Югославия сформировала Русскую православную церковь за рубежом. Определены ключевые моменты и персоны православной церкви русского зарубежья, дана характеристика их отношений с Сербской православной церковью, с Константинопольской патриархией, представлен политический фактор – революционный коммунистический режим, от которого зависело как положение Московской патриархии, так и ее отношения с русской иерархией, находившейся как на Балканах, так и в Западной Европе.

Ключевые слова: Русская православная церковь за рубежом, Сербская православная церковь, Московская патриархия, Константинопольская патриархия, патриархи Сербские Димитрий, Варнава и Гаврило, митрополит Антоний Храповицкий, митрополит Анастасий Грибановский, митрополит Евлогий Георгиевский

В пределах сербского языкового ареала Русской православной церкви за рубежом посвящали как отдельные исследования, так и разделы работ общего характера, рассматривающих историю русской эмиграции¹. Обильна русскоязычная литература, проливающая

1 *Мариновић Н.* Бела емиграција у Југославији. Београд, 1996. С. 47–56; *Арсенјев А.* Руска емиграција у Сремским Карловцима. Нови Сад, 2013. С. 45–59; *Јовановић М.* Sveštenik i društvo: eto parole – Ruska pravoslavna zagranična crkva na Balkanu 1920–1940 // Tokovi istorije. 2005. № 3–4. С. 67–100; *Јовановић М.* Руска право-

свет на эмигрантские церковные споры 1920-1940 гг., на запутанный клубок каноническо-правовых вопросов, а также на общественную подоплеку церковных отношений и споров². Особое место среди монографий, освещающих церковные аспекты истории русского зарубежья, занимают те, что описывают отношения Русской православной церкви, особенно Московской патриархии, с Константинопольским патриаршим престолом³. Для исследователей этой проблематики особую ценность представляют сборники документов и актов, которые, следует отметить, публиковались, главным образом, в русской среде. В то же время, сербские архивные материалы еще только ожидают тех, кто их опубликует и критически осмыслит⁴.

Исход и формирование организации Русской церкви за рубежом на Балканах

Митрополит Белградский и Всея Сербии Димитрий Павлович был осведомлен о тяжелом положении, в котором оказались русские иерархи в революционном круговороте 1918 года. Согласно сохранившимся документам, представители русской аристократии инфор-

славна загранична црква у Југославији током двадесетих и тридесетих година 20. века // Српска теологија у двадесетом веку – истраживачки проблеми и резултати. 2008. № 3. С. 160–178; Тимофејев А. Руска загранична православна црква и грађански рат у Србији 1941–1945 // Српска теологија у двадесетом веку – истраживачки проблеми и резултати. 2007. № 2. С. 285–295.

- 2 Тем не менее, выделим следующие работы: Митрофанов Г. Православная церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995; Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 2010; Кашеваров А.Н. Печать Русской Зарубежной Церкви. Санкт-Петербург, 2008; Маковецкий А. Белая церковь вдали от атеистического террора (История Русской Православной Зарубежной Церкви). Санкт-Петербург, 2009; Кострюков А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов (Организация церковного управления в эмиграции). М., 2007; Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. (Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью). М., 2011.
- 3 Мазырин А., Кострюков А. А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017; Шкаровский М.В. Константинопольская и Русская Церкви в период великих потрясений (1910-е – 1950-е гг.). М., 2019.
- 4 Акты святейшего Тихона, патриарха московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917-1943, сборник в двух частях / сост. М. Е. Губонин. М., 1994; Законодательство Русской Православной Церкви Заграницей (1921–2007) / сост. Д. П. Анашкин. М., 2014.

мировали его о судьбе и злоключениях русских епископов. Из одного такого письма митрополит Димитрий узнал, что епископ Одесский Платон в послании к архиепископу Кентерберийскому просил его заступиться за троих архиереев, которые оказались в заточении в одном католическом монастыре под Краковом. А именно, граф Владимир Бобринский писал митрополиту Димитрию, что «в тяжелом положении» находятся митрополит Киевский Антоний, Волынский архиепископ Евлогий, а также викарный Киевский епископ Никодим, то есть всех «их петлюровцы заточили... а теперь они находятся в монастыре камальдулов на Белянах под Краковом»⁵.

Не исключено, что так впервые сербские иерархи официальным образом узнали об участии отдельных представителей русского епископата, которым впоследствии было суждено сыграть значимую роль в истории русской зарубежной церкви. Именно тогда родилась идея позволить некоторым из них перебраться в Сербию, то есть предпринять необходимые шаги, дабы «упомянутые церковные сановники обрели свободу, а также возможность приехать в Сербию через Чехию и Вену»⁶.

Также из косвенных источников мы узнаем, что граф Владимир Бобринский поддерживал контакты с русскими епископами и играл важную роль в вызволении их из России, где власть прибирали к рукам большевики. Епископ Евлогий записал в своих мемуарах: «Получил письмо от графа Бобринского, который написал мне, что его с радостью встретили в Сербии. Предложение сербского представителя, составленное в любезной форме, мне понравилось, и я дал свое согласие. “Отлично, - сказал он, - дайте мне как можно скорее список ваших архиереев”»⁷.

Через Крым и Константинополь митрополиту Антонию Храповицкому все-таки удалось выбраться из России, где большевики устанавливали собственную власть. Константинопольский отрезок жизни митрополита Антония Храповицкого сыграл значимую роль в определении будущих церковно-дипломатических процессов. Его личное положение, как и статус русских архиереев в изгнании, зависело от позиции Константинопольской (Вселенской) патриархии.

5 Архив СПЦ. Varia (1918). Граф Владимир Бобрински митрополиту Димитрију, 27. јули 1918. године.

6 Там же.

7 Путь моей жизни – Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Махуниной. М., 1994. С. 327.

Своими строгими предписаниями она устанавливала границы его полномочий и деятельности.

Он также в ноябре 1919 г. выступал как «эксарх Его Святейшества Патриарха Константинопольского», а впоследствии – только как «митрополит Киевский и Галицкий». В этом качестве он предстал перед священниками из Галиции, которые хотели освободиться от влияния римокатолической унионистской пропаганды. Тогда же под его юрисдикцией находилась и Прикарпатская Русь, где проживало некоторое количество православных⁸.

В русской эмигрантской литературе и мемуарах обычно утверждается, что русские епископы перебрались в Королевство СХС из Константинополя и, в целом, с территории Вселенской патриархии по приглашению сербских церковных властей, то есть митрополита (патриарха) Димитрия Павловича⁹. Не подвергались сомнению и с радостью упоминались сердечность сербов, эмоциональная близость и общее расположение населения¹⁰. И, все-таки, следует отметить, что в сохранившихся архивных документах отсутствуют свидетельства того, чтобы патриарх Димитрий направил официальное приглашение, на которое последовал бы официальный ответ.

Прагматичные соображения обусловили следующие линии поведения: русских не устраивало оставаться в Константинополе; архиереи Сербской православной церкви с радостью принимали их, хотя была очевидной комбинаторика русских владык, имевшая целью переезд в какое-нибудь славянское государство. Нерасположение Константинопольской патриархии выражалось в том, что русские епископы и остальные церковные деятели из-за своих политических позиций и выступлений лишались поддержки Константинополя. При этом одновременно они не только становились несостоятельными с канонической точки зрения, но и подвергались политическим нападкам, так как Турция имела дипломатические отношения с Советским союзом.

Сербские архивные материалы следующим образом описывают взаимоотношения русских эмигрантов и Константинопольской патриархии: «Здесь в Константинополе находятся русские митрополиты Анастасий и Александр. Сразу по прибытии из России – после

8 Архив СПЦ. Збирка Russica. Антоній митрополитъ кїевскій и галицкїй Іерею О. Михаилу Заяцу, православному священнику Галичанину. 12 ноября 1919.

9 *Іоаннъ (Максимовичъ), архієпископъ*. Русская зарубежная церковь (дополнено Владимиромъ Русакомъ). Jordanville, 1991. С. 6.

10 Путь моей жизни... С. 330–334.

поражения Врангеля – они получили от Всел. Патриархии грамоту, на основании которой они могли осуществлять известные религиозные обряды среди русских беженцев. Однако, на практике эти митрополиты начали отправлять и такие религиозные обряды, которые грамотой не санкционировались, а требовали особого разрешения Всел. Патриархии, то есть Константинопольского архиепископа»¹¹.

Далее сообщается, что русские митрополиты не только не обращали внимание на этот запрет, нарушая все ограничения, оговоренные грамотой Константинопольской церкви, но и «своими политическими выступлениями и поминанием имени Великого Князя Кирилла во время Великого входа превращали каждую церковь, в которой они служили, в место проведения политического митинга»¹². Это не могло не вызвать реакции со стороны советского правительства, которое предпринимало все, чтобы помешать формированию русской эмигрантской церковной организации в Турции.

Вопреки укоренившемуся представлению о приглашении, направленном патриархом Димитрием русскому заграничному епископату, архивные источники свидетельствуют, что митрополит Антоний официально обратился к сербским церковным властям с просьбой перевезти из Константинополя в Королевство СХС русских иерархов, священников и паству. 30 июня 1921 г. Святой архиерейский собор принял к рассмотрению просьбу митрополита Киевского Антония «перевести русскую церковную администрацию из Константинополя в Сербию»¹³.

У процесса формирования русской церковной организации в Королевстве СХС имелся как общероссийский, так и широкий международный контекст. Находившиеся в эмиграции русские архиереи в 1921 г. еще признавали, пускай и формально, юрисдикцию Московской патриархии. С другой стороны, их иерархическая структура простиралась над европейскими странами, в которых проживала новая русская политическая диаспора. Первый собор русской цер-

11 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1924). Писмо је прослеђено Светом архијерејском синоду. Legation Du Royaume des Serbes, Croates et Slovenes a Constantinople Министарству Спољних послова Краљевине СХС. № Пов. бр. 350. 13. мај 1924.

12 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1924). Письмо доставлено Святому архиерейскому синоду. Legation Du Royaume des Serbes, Croates et Slovenes a Constantinople Министарству Спољних послова Краљевине СХС. № Пов. бр. 350. 13. мај 1924.

13 Архив СПЦ. Архивске књиге. Бр. 130; Деловодни записник Светог архијерејског сабора. 1921–1930; 1921/31.

ковной эмиграции, состоявшийся осенью 1921 г. в Сремских Карловцах, имел выраженную политическую окраску. Антибольшевизм, монархизм и поддержка прежнего государственного строя - под этими лозунгами в ноябре 1921 г. в Сремских Карловцах прошло собрание русских епископов, священников и видных представителей паствы.

Обустройство церковной жизни русских беженцев шло рука об руку с выражением ими собственной политической позиции. Несомненно, собрание в Карловцах стало попыткой аккумуляции душевных сил и потенциала, смотром беженской антибольшевистской элиты. Сербы и прочие современники, по-видимому, не осознали полностью значения произошедшего. По их мнению, имела место обычная «церковная скупщина», лишенная статуса и мистического значения, приписываемого церковным соборам¹⁴. Хотя некоторые полагают, что сербский патриарх Димитрий выступил в роли «крестного отца» русского церковного собрания, назвав его «собором»¹⁵.

Общественность узнала об отдельных подробностях работы собора. Для сербов важнее всего было то, что из сербских епископов на нем присутствовали митрополит Зворникско-Тузланский Иларион Радониц и епископ Горнекарловацкий Максимилиан Хайдин¹⁶. Современник событий исследователь русской церковной эмиграции Иринарх Стратонов для обозначения русского церковного собора в Сремских Карловцах использует слова «съезд», «сходка» и «совещание»¹⁷. По-видимому, последний термин наиболее подходящий.

5/18 октября митрополит Антоний письменно проинформировал некоторых сербских архиереев о том, что собор в Сремских Карловцах состоится. Сохранился куртуазный в стилистическом отношении ответ архиерея Черногорско-Приморского Гаврило, который, отдав должное братским сербско-русским отношениям, тем не

14 М. П. Руска црквена скупштина // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1921. № 20. С. 334–335. Обращаясь с благодарностью к королю Александру по-сербски, митрополит Антоний Храповицкий сам именуется «председатель церковной скупщины, митрополит Антоний». (Архив Југославије. Ф. 74 (Двор). 20–300. См.: *Бондарева Е.А.* Духовно искуство руске дијаспоре у Југославији 1920–1944 // *Руски некропол у Београду – знамење историјског пријатељства* / ур. М. Радојевић, М. Ковић. Београд, 2014. С. 105–111, факсимил на страни 106).

15 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1936). Историјат распре Руске цркве у иностранству. 4–6.

16 Руски сабор у Карловцима // Хришћански живот – месечни часопис за хришћанску културу и црквени живот. 1922. № 1. С. 61.

17 *Стратоновъ И.* Русская церковная смута (1921–1931 гг.). Берлинъ, 1932. С. 33.

менее, заявил, что не сможет присутствовать на «предстоящих заседаниях русского церковного заграничного собора»¹⁸.

Резолюция собора, переведенная на сербский язык, была опубликована во многих церковных газетах¹⁹. Монархистское по своей политической окраске «Послание чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим», подписанное митрополитом Антонием, коммунисты оценили как реакционное и враждебное: «И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша – да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту вере и Церкви и всей земле русской, и да осенит Он сердце народное; да вернет на всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из Дома Романовых»²⁰. Так группа епископов-эмигрантов еще раз недвусмысленно обозначила свою антикоммунистическую консервативную монархическую позицию, непримиримую в отношении революционной перемены власти в России. Как верно подметил митрополит Евлогий, «обращение Карловацкого собора имело последствия, которые нельзя было предвидеть. Оно, как минимум, вдвое усугубило и без того тяжелое положение, в котором находился патриарх Тихон»²¹.

Негативное отношение патриарха Тихона к политическим заявлениям епископов-эмигрантов, разумеется, соответствовало его изначальной позиции, сформулированной в послании от 25 сентября/ 8 октября 1919 г., которое гласило: «Установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает Себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение»²².

18 *Гаврило Дожић, патријарх српски*. Живимо у светињи и слободи (изабрани списи, посланице, беседе, акта, писма и записи). Цетиње–Београд, 2010. С. 555–556.

19 Посланица руског црквеног сабора у иностранству деци Руске православне цркве у избеглиштву и прогонству, одржаног у Сремским Карловцима крајем 1921 године // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1921. № 24. С. 424; Проглас руског црквеног сабора одржаног у Сремским Карловцима // Весник – лист за црквену политику. 1921. 25. XII. С. 4–5.

20 *Никон (Рклицкий), арх.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. VI. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1960. С. 28–30; *Митрофанов Г.* Православная церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995. С. 19, 89.

21 *Путь моей жизни...* С. 554.

22 *Митрофанов Г.* Указ. соч. С. 11; Акты святейшего Тихона... С. 163–164. И позднее - в середине 1930-х гг. - имелись «умеренные» епископы в эмиграции, которые понимали значение слов патриарха и выступали за невмешательство церкви в политические дела, особенно, когда речь шла об отношениях по ли-

В источниках первого ряда нет подтверждений того, что патриарх Тихон благословил собрание епископов в Сремских Карловцах и направил им свое приветствие²³. По всем признакам мы имеем дело с поздними апокрифическими интерполяциями. Точно так же, отнюдь не только из второстепенных источников мы узнаем о том, что патриарх Тихон намеревался распустить Высшее церковное управление, а Святой синод планировал призвать к ответу отдельных епископов за их публичные политические выступления²⁴. Избрание Евлогия Георгиевского – «бывшего архиепископа Волынского и Житомирского» - митрополитом и его назначение духовным вождем («управляющим») русских церковных общин в Западной Европе послужило протокольно-дипломатическим выражением несогласия с деятельностью «правых» и «реакционных» епископов в Королевстве СХС. Для него самого это обернулось тяжелыми последствиями²⁵. Разумеется, патриарх Тихон, хоть и разыгрывал карту «аполитичности» и «нейтральности», был далек от наивности и с самого начала восхождения большевиков к власти отдавал себе отчет в том, какая опасность грозит Церкви. Свидетельством тому – его позиция, отраженная в нескольких посланиях²⁶.

Патриарх Тихон Белавин и митрополит Сергей Страгородский – вызов русской церковной эмиграции

Официальное общение Сербской патриархии и Русской православной церкви (Московской патриархии) представлялось крайне затруднительным, если принять во внимание обстановку, в которой существовала Церковь в Советском союзе. К тому же поддержание контактов между церковно-административными центрами обе-

нии «эмиграция – церковь в СССР». («Любое иное толкование этих ясных слов и очевидных потребностей церкви следует воспринимать как ложь или проявление сугубого политиканства». Архиепископъ Веніаминъ. „Невмѣшательство въ политику“. Православие – Orthodoxy. New York. 1934. № 18. С. 2–5.

23 Акты святейшего Тихона... С. 181.

24 Акты святейшего Тихона... С. 192; *Кострюков А.А.* Митрополит Евлогий и патриарший указ об упразднении зарубежного ВЦУ от 5. мая 1922. года // Церковно-исторически вестник. 2005-2006. № 12–13. С. 58–66.

25 Акты святейшего Тихона... С. 184–185.

26 Посланица поводом потписивања Брест-Литовског мира (5/18. март 1918), Посланица Совјету народних комесара (13/26. октобар 1918), са руског Ксенија Кончаревић // Голгота Христове Русије – страдање Руске цркве под комунизмом. Цетиње, 1999. С. 153–161.

их патриархий выглядело бы предосудительным в ситуации отсутствия дипломатических связей между СССР и Королевством СХС. С другой стороны, советская политика в отношении церкви предполагала, что предпринимаются определенные шаги и издаются соответствующие документы, с которыми знакомились и епископы «за границей». И Сербская православная церковь, получая опосредованным путем определенную информацию, имела возможность занять ту или иную церковно-дипломатическую позицию. Официальные протокольные контакты сводились к минимуму, а именно, к обмену «мирными письмами», в которых сообщалось о важных переменах и событиях церковной жизни²⁷.

10 апреля 1922 г. Патриарх Тихон направил митрополитам Антонию и Евлогию указ об упразднении Высшего церковного управления Русской православной церкви за рубежом. Причина была политическая, а именно, призыв Собора в Карловцах «восстановить дом Романовых». Управление приходами поручалось митрополиту Евлогию, которому надлежало представить «свое мнение о способах управления этими церквями». А отдельные священники, запятнавшие себя участием в «политических акциях», должны были понести последствия «церковно-судебной процедуры»²⁸. Патриарх Тихон, важно отметить, был арестован 11 апреля – на следующий день после издания указа, а власть 18 мая 1922 г. взяли в свои руки представители Живой церкви²⁹.

Карловацкое управление Русской церкви признало легитимность Московской патриархии, согласившись ему подчиняться. Однако лишавший их полномочий указ митрополит Антоний и его сторонники выполнили в «минимальной мере»³⁰. Власть над русскими

27 Воробьева В., Ефимова О., Косик В., Косик О. Переписка святителя Тихона со святейшим Димитрием, патриархом сербским и архиепископом белградским // Богословский сборник. 2005. № 6. С. 251–267. Один экземпляр письма патриарха Тихона патриарху Димитрию от 3/16 марта 1922 г. с сопроводительными документами находится в Архиве Сербской православной церкви. Это письмо опубликовано в журнале «Церковныя ведомости». 1922. 15/28 мая. С. 3–4.

28 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1936). Историјат распре Руске цркве у иностранству. С. 14.

29 *Троицкіј С.* Что такое живая церковь? Варшава, 1927. С. 6.

30 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1936). Историјат распре Руске цркве у иностранству. С. 15.

церковными общинами не была передана митрополиту Евлогию, а состоявшийся 21 ноября 1922 г. собор возложил ее на Синод³¹.

Ослабленная внешне- и внутривосточными потрясениями Русская православная церковь столкнулась с проблемой передела географической карты, обусловившей невозможность осуществления власти патриарха над теми территориями, которые вошли в состав новых государств, образованных после Первой мировой войны. В 1917 г. от Московской патриархии «отделилась» Грузинская церковь, в 1918 г. – Кишиневская епархия (в Молдавии), 14 июля 1922 г. – Польская православная церковь, в августе 1923 г. – Финская православная церковь, 23 сентября того же года – Эстонская православная церковь. Очередной геополитический удар Москва приняла на себя 9 сентября 1927 г., когда Св. Синод заграничной церкви прервал благодатно-литургическое общение с тамошним патриаршим престолом³².

Константинополь был наготове, вербуя представителей разных православных течений, которые согласились бы на его покровительство и позволили бы ему сохранять собственный квази-имперский имидж. Поддержку, оказанную Константинопольским престолом Живой церкви в России, можно было бы расценить как проявление антиславянского злорадства, испытываемого поствизантийским церковным центром, а не только как следствие неосведомленности и недомыслия «Церкви-матери»³³

Сербская православная церковь знала (так как об этом сообщило и официальное издание Патриархии), что патриарх Тихон успел 7 января 1925 г. написать завещательное распоряжение, согласно которому после его смерти и до выборов нового патриарха местоблюстителем престола назначался митрополит Агафангел. А в случае невозможности исполнения им этих обязанностей место-

31 Там же.

32 *Троцкий С.* Размежевание или расколъ. Paris, 1932. С. 20. Сравни: «Церковь Константинопольская не признает автокефалию церкви Болгарской и Албанской, а церковь Русская не признает автокефалию церквей Польской, Грузинской, Финской и Эстонской». (*Троцкий С.* Указ. соч. С. 64–65.)

33 См. рецензию (*Троцкий С.* Црква у Русији // *Летопис Матице Српске.* 1927. Новембар. С. 299–302.) книги Марьяновича (*Марьянович Ч.* Жива Црква у Русији. Београд, 1927), в которой автор обвиняется в небрежности и неточности в описании исторических событий и канонических импликаций.

блюстителем должен был стать митрополит Крутицкий Петр³⁴. К новостям из России о том, что происходило с Московским патриаршим престолом, в Сербии относились с большим интересом³⁵. Процесс передачи патриаршей власти и достоинства после смерти патриарха Тихона характеризовался значительными затруднениями³⁶.

Известно, что во главе Московской патриархии встал Сергей Страгородский, который, будучи «заместителем местоблюстителя Московского патриаршего престола», располагал всей полнотой власти и был прямым наследником патриарха Тихона. Все-таки, митрополит Сергей разработал программу легализации Русской православной церкви в Советском союзе, то есть занял примирительную позицию в отношении советской власти. От нее ожидалось, что она пойдет на компромисс и создаст более благоприятные условия для функционирования церковной организации. В одном из обращений к министерству внутренних дел, в которой излагается вышеуказанная программа, Сергей останавливается и на проблеме «Церкви за рубежом»: «Не признавая себя гражданами Советского союза и не считая себя связанными какими-либо обязательствами перед советским правительством, заграничные священники иногда позволяют себе враждебные выступления в отношении Союза»³⁷. Митрополит понимал, что каждое политическое заявление церковной эмиграции может обернуться меньшими или большими проблемами для православной церкви в Советском союзе.

12 сентября 1926 г. митрополит Сергей Страгородский ответил на письмо Карловацкого правления, жаловавшегося на митрополита Евлогия. На первый взгляд реакция выглядит равнодушной и незаинтересованной: «Дорогие мои святители, вы просите меня быть судьей в деле, мне совершенно неизвестном. Я не знаю, из кого состоит ваш Синод и Собор, и каковы его полномочия. Не знаю я ни предмета разногласий между Синодом и митрополитом Евлогием. Поэтому ясно, что я не могу быть судьей вам»³⁸.

34 Руска црква // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1926. № 1. С. 13.

35 *Парента М.* Руска црква // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1926. № 3. С. 46.

36 *Мазырин А.* Вопрос о Патриаршем Синоде в межсинодский период 1925–1927 гг. // Вестник ПСТГУ. 2010. № 2 (35). С. 61–78.

37 Историјат распре... С. 30.

38 Архив СПЦ, Свети архијерејски синод (1936). Историјат распре Руске цркве у иностранству. С. 31.

Однако, в то же время Сергей демонстрирует и мощь Московского патриаршего престола, свысока взирающего на происходящее. Проблема эмиграции связывала руки митрополиту, мешая ему попытаться наладить отношения с большевиками. В этой связи он обращается к Русской заграничной церкви со следующим наставлением: «Тогда лучше подчинитесь воле Божией, признайте, что эмигрантская церковь не может обеспечить себе обособленное существования. Поэтому для всех вас пришло время встать на камень канона и подчиниться (временно) местной православной церкви. Например, в Сербии – Сербскому патриарху, дабы трудиться на пользу православной церкви, которая вас приняла»³⁹.

Митрополит Сергей знал, что русская церковная эмиграция имеет огромное значение для духовной жизни национального рассеяния. Еще яснее это понимала большевистская власть, которая всегда стремилась заглушить голос «свободной совести русского народа». Ведь оказавшиеся за границей россияне всегда осуждали и открывали всему миру подлинную природу антирелигиозной политики и преследований церкви в Советском союзе⁴⁰. Митрополит Сергей представлял собой единственное каноническое оружие большевистской власти, с помощью которого она рассчитывала каким-то образом обуздать мятежный дух эмиграции, а именно, подчинить структуры заграничной церкви Московской патриархии.

Такое воздействие политики на церковную жизнь стало особенно заметным после ареста митрополита Сергея в декабре 1926 г. После нескольких месяцев, проведенных в заточении, он вышел на свободу, а в мае 1927 г. в Советском союзе был легализован Синод Московской патриархии⁴¹. Следующей мерой по укрощению церковной эмиграции стало озвученное 14 июля 1927 г. требование московского церковного центра и митрополита Сергея как заместителя патриаршего местоблюстителя, адресованное митрополиту Евлогию и группе архиереев. Под угрозой исключения из Московской патриархии они должны были впредь воздерживаться от политических действий и заявлений⁴². В Декларации от 29 июля 1927 г. митрополит Сергей как глава церкви выражает лояльность и гражданское

39 Там же. С. 32.

40 *Троицкий С.* Митрополитъ Сергій и примиреніе русской діаспоры. Сремскіе Карловцы, 1937. С. 3.

41 Там же. С. 4–5.

42 Там же.

повиновение большевистским властям, повторяя при этом следующее: «Мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому Правительству во всей своей общественной деятельности»⁴³. Согласно ультиматуму, письменные гарантии надлежало дать до 2/15 сентября 1927 г. Декларация в частности заклеила «выступления зарубежных врагов Советского государства», под которыми, как полагают некоторые исследователи, имелись в виду Карловацкий синод и собор⁴⁴. Ни публичная демонстрация лояльности советской власти, ни обретение правовых рамок существования Русской церкви не позволили ей достичь главной цели – сохранения жизни и свободы многих иерархов, клириков и верующих⁴⁵. До священников Сербской православной церкви, следивших за тем, что происходило с церковью в России, в эти месяцы доходили скорбные вести о том, что не прекращается разграбление и осквернение храмов, например, - Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге и Владимирского собора в Киеве⁴⁶. Несмотря на усилия митрополита Сергия, последовательно следовавшего по пути компромисса, в 1927-1928 гг. советские репрессии в отношении церкви не ослабевали. Об этом свидетельствовала и новость о том, что существует угроза захвата Троице-Сергиевой лавры («прибежища русской аристократии и контрреволюционеров»⁴⁷) и изгнания 800 проживавших в ней монахов.

В отличие от митрополита Евлогия и западноевропейской части русской эмигрантской церкви, Архиерейский собор Русской православной церкви за рубежом под председательством митрополита Антония 9 сентября 1927 г. принял решение «прервать отношения с Московской церковной властью из-за невозможности поддержания нормальных отношений с ней и по причине ее порабощения безбожной советской властью». Одновременно «решительно отверглось предложение митрополита Сергия и его Синода дать письмен-

43 Там же.

44 *Евсеев Н.Н.* Сравнительный анализ декларации митрополита Сергия и Соловецкого послания // Известия Тульского государственного университета. 2013. С. 181.

45 Там же. С. 186.

46 *Х. Т.* Православна црква у Русији // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1927. № 3. С. 43.

47 Заплена Св. Сергијевског манастира // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1928. № 13. С. 203.

ное обязательство верности советской власти как неканоническое и весьма вредное для Святой Церкви как в России, так и за рубежом»⁴⁸.

Это еще более углубило раскол между сторонниками Евлогия и Антония. Широкий резонанс, вызванный ухудшением отношений между Московской патриархией и русскими церковными фракциями в Европе, побудил правящие круги Королевства СХС поинтересоваться у собственных церковных властей – каково их отношение к Русской православной церкви за рубежом.

Маневры митрополита Евлогия Георгиевского

Наряду с митрополитом Антонием Храповицким, митрополит Евлогий Георгиевский тоже считался авторитетным представителем русской церковной эмиграции в Европе. На практике он являлся вождем русских эмигрантских приходов и колоний в Западной Европе, главным образом, во Франции и Германии. Канонически его статус подкреплялся решением Московской патриархии. В отличие от митрополита Антония, Евлогий в каноническом отношении располагал большими возможностями, особенно, в плане определения собственного положения по отношению к другим православным церквям⁴⁹.

Процесс расхождения митрополита Евлогия с Карловацкой группой протекал в сложной ситуации, в которой находилось русское православие, особенно, после смерти патриарха Тихона в апреле 1925 г. 16 октября 1926 г. в ходе собора в Сремских Карловцах местный церковный и епископский кружок в какой-то момент выступил со следующим предложением: если в Москве не выберут патриарха, возложить на митрополита Антония полномочия патриаршего местоблюстителя до тех пор, пока на наступят нормальные условия для созыва легитимного собора⁵⁰. Также предлагалось рас-

48 *Митрофанов Г.* Православная церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995. С. 141–142.

49 Каноническое положение Православной русской церкви за границей. Издание епархиального управления Западно-европейского митрополичьего округа. Париж, 1927. С. 54. Своим актом № 424 от 1922 г. патриарх Тихон передал ему под управление русские приходы в Западной Европе, которые традиционно были под управлением митрополита Санкт-Петербургского.

50 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1936). Историјат распре Руске цркве у иностранству. С. 18.

ширить права викарных епископов в Западной Европе по отношению к митрополиту Евлогию⁵¹.

Не приходилось сомневаться в том, что карловацкое церковное управление претендовало на статус общерусского церковного центра. Патриарх Тихон Белавин был духовным авторитетом и для антибольшевистски настроенной церковной эмиграции. После его смерти карловацкое управление стало вести себя менее сдержанно при принятии определенных решений. Кульминацией противостояния Антония и Евлогия стало решение карловчан образовать Берлинскую епархию во главе с епископом Тихоном⁵². Свою позицию митрополит Евлогий выразил в письме митрополиту Антонию от 16 августа 1926 г.: «Власть заграничного синода не признаем как временную, канонически подчиненную и ответственную перед правом и специально обязанную соблюдать постановление об автономии Западноевропейского митрополичьего округа на основании указа Святейшего патриарха Тихона митрополиту Евлогию»⁵³.

Митрополит Антоний предпринял следующий шаг, а именно, 26 августа 1926 г.⁵⁴ пригрозил митрополиту Евлогию «запретом на священнодействие». Так впервые в их отношениях появляются тяжкие канонические обвинения и раскольническая риторика, которая нарушала церковное единство и без того пребывавшей в смятении русской эмиграции.

Противоречия, имевшие место в русской церковной эмиграции, не остались секретом для поместных православных церквей. Значение имела позиция некоторых православных иерархов. Так, 3 июля 1927 г. Вселенский патриарх Василий III однозначно высказался в поддержку Евлогия: «Митрополит Евлогий совершенно прав... потому что он назначен патриархом Тихоном. Запрет священнодействия ничего не значит, потому что его издала некомпетентная власть. Патриарх упразднил своим указом Карловацкое управление, и Вселенская патриархия не признавала Карловацкий синод»⁵⁵. Александрийская патриархия (патриарх Мелетий) также был против «ан-

51 Там же. С. 18.

52 Там же. С. 22–23.

53 Там же. С. 24.

54 Там же. С. 25.

55 Там же. С. 39.

тиканонического решения “самозванного” синода русских епископов в Карловцах» (16 апреля 1927 г.)⁵⁶.

Сербская церковь предпочитала держаться в стороне от споров в русской эмигрантской церкви. 18 сентября 1927 г. епископ Нишский Досифей Васич в письме Святому архиерейскому Синоду Сербской православной церкви напоминал, что еще 15 сентября 1926 г. епископ Бруклинский Евфимий сказал, что «русские епископы в Америке не согласны с решениями Карловацкого синода»⁵⁷. Епископ Досифей Васич попросил Святой архиерейский синод СПЦ определить свою позицию в связи с указанными противоречиями и выступить в качестве посредника между русскими церковными фракциями. 19 ноября 1927 г. Синод принял следующее решение: «Не вмешиваться в этот спор русских архиереев, пока они официально не обратятся с просьбой к нашей церкви»⁵⁸.

Священство Сербской православной церкви, следившее за тем, что происходит как в России, так и в эмиграции, полагало, что шаги митрополита Евлогия навстречу Москве ведут к усилению «тихоновской» заграничной церкви в пику «карловацкой», что оправдано с точки зрения канонического права⁵⁹. Лозунг «невмешательства в политику», на который делал ставку митрополит Евлогий, звучал соблазнительно для группы митрополита Антония («карловчан»), - пламенных сторонников царизма, - полагавших, что Церковь не может существовать без земного царя. По их мнению, группа богословов, работавших в Институте в Париже, проповедовала опасный модернизм, пагубный для душ православных⁶⁰.

Сближение митрополита Евлогия с Московской патриархией должно было столкнуться с осуждением со стороны паствы, которая по инерции оставалась антисоветски и антибольшевистски настроенной. Распространение листовок стало одним из способов оправдаться в глазах верующих-традиционалистов, политических приверженцев царизма по своему ментальному складу. Сохранил-

56 Там же. С. 40.

57 Там же. С. 41. См.: Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1927). Епископ нишки Доситеј Васић. Бр. 508. 13. септембар 1927.

58 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1927). САСинод. бр. 2.348. 19. новембар 1927.

59 Г. Ф. Распра Руске заграничне цркве // Весник Српске цркве – орган српског православног свештеничког удружења. 1927. Мај–јун. С. 351.

60 *Грaббе Ю.П.* Корни церковной смуты – парижское братство Св. Софии и Розенкрейцеры. Београд, 1927. passim.

ся «Манифест Западноевропейского епархиального управления», в котором митрополит Евлогий объяснял, что «дал гарантию (обязательство) митрополиту Сергию только относительно невмешательства Церкви в политику. Никакие другие обязательства – ни тайные, ни явные – не давались. Именно такое обязательство – необходимое и достаточное – митрополиту Сергию и требовалось»⁶¹. Евлогий по возможности обходил молчанием тот факт, что ему пришлось взять на себя обязательство сохранять лояльность в отношении Советского союза.

Разрыв митрополита Евлогия Георгиевского с Карловацким синодом Русской православной церкви за рубежом не остался незамеченным сербской церковной общественностью, о чем свидетельствуют несколько материалов, опубликованных в официальном органе Сербской православной церкви. Эти статьи отражали внутреннюю позицию Святого архиерейского синода и озабоченность патриарха Варнавы в связи с судьбой Русской православной церкви и, особенно, эмиграции. 17 февраля 1931 г. Вселенский патриарх Фотий издал патриаршую грамоту митрополиту Евлогию, которая подтверждала его легитимность и уточняла церковный статус. По праву, причитавшемуся Вселенской патриархии как «Церкви-матери», Фотий брал под защиту митрополита Евлогия, соглашаясь с резонами российского Епархиального собрания и Епархиального совета: «Мы синодальным определением постановили, чтобы все Русские Православные приходы в Европе, сохраняя неизменно и немаленною доселе существующую свою самостоятельность, как особой Русской Православной церковной организации, и свободно управляя своими делами, рассматривались бы впредь, как составляющие временно единую особую экзархию Святейшего Патриаршего Вселенского Престола на территории Европы»⁶².

Согласно переводу оригинального документа, Константинопольская патриархия имела следующие мотивы к сотрудничеству с митрополитом Евлогием: «По долгу и праву попечения Святейшего Патриаршего Вселенского Престола, действительно выступить в настоящих Ваших затруднительных обстоятельствах и оказавшиеся в

61 Архив СПЦ. Збирка Russica. Плакат: Отъ Епархіального Управленія православныхъ русскихъ церквей въ Западной Европѣ, Парижъ, 13/26. августа 1928. года.

62 Грамата Васељенског Патријарха Митрополиту Евлогију // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1931. № 8. С. 124–125.

таким трудном и опасном положении приходы – принять под непосредственную юрисдикцию Святейшего Вселенского Патриаршего Престола для укрепления и ограждения их»⁶³. Патриарх Фотий признавал тот факт, что его вмешательство соответствует принципу икономии, то есть продиктовано временной сиюминутной потребностью - в ожидании того, как «принесет... Господь, призрев милосердие, мир и единство сверх меры пострадавшей Святейшей Сестре – Церкви Российской и да обрадует тем весь благочестивый Русский народ Православный и всех Сестер – Церкви Православные»⁶⁴.

По мнению аналитиков СПЦ, специализировавшихся на канонических проблемах и сочувствовавших митрополиту Антонию, грамота патриарха Фотия придавала существованию Русской православной церкви в Западной Европе временный и независимый характер, а также имела следствием прямое подчинение Константинопольскому патриарху части Русской церкви во главе с митрополитом Евлогием. Митрополит Евлогий впредь будет упоминать в ходе литургии Константинопольского патриарха, а «непосредственная связь (отношения) с Местоблюстителем митрополитом Сергием прерывается»⁶⁵.

Освободившись от бремени сотрудничества с Церковью, подконтрольной коммунистической власти в Москве, митрополит Евлогий мог спокойно объяснить своей пастве мотивы и смысл перехода под эгиду Константинопольского патриаршего престола. Заверив («Архипастырское послание» к верующим от 12/25 февраля 1931 г.), что остается с Москвой в единстве молитвы, любви и веры, он добавил: «Мы даже не смеем осуждать митрополита Сергия – заместителя патриаршего местоблюстителя. Мы только прямо подтверждаем, что здесь, за границами России нам невозможно следовать за ним... невозможно нам исполнять все его приказания, если они ставят под угрозу свободу церковной жизни»⁶⁶. Митрополит Евлогий не сомневался, что «разрыв с Русской церковью означает только временное

63 Грамата Его Святѣйшества Вселенскаго Патриарха Фотія от февраля 1931. Парижъ, 1931. С. 1–2.

64 Там же.

65 *En. J.* Руска црква Западне Европе // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1931. № 10. С. 159.

66 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1931). Архипастырское Послание Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Евлогія. Парижъ. 1931. 1–2.

прекращение административных связей, вызванное особыми обстоятельствами современной жизни»⁶⁷.

Усилия Сербской православной церкви по примирению русских церковных течений

Постепенно в русской церковной печати⁶⁸ начали появляться критические в отношении Константинополя заявления патриарха Варнавы: «Соглашаясь с каноничностью местоблюстителя патриаршего престола всея Руси митрополита Сергия, против Вселенской патриархии, принявшей под свою юрисдикцию митрополита Евлогия, мы высказали жалобу... по причине неканонических действий Вселенской патриархии, которые состоят во вмешательстве в дела русской автокефальной церкви»⁶⁹.

В повестку дня Святого архиерейского собора Сербской православной церкви (май 1933 г.) было включено обсуждение послания заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия, просившего о «братском посредничестве, дабы русские архиереи и духовенство в эмиграции вернулись под юрисдикцию своей Матери-Церкви - Московской патриархии»⁷⁰.

Разумеется, патриарх Варнава также поддерживал контакты и с Русской православной церковью за рубежом. 8/21 июля 1933 г. митрополит Антоний ответил, во-первых, что не может признать лояльность в отношении советского режима, во-вторых, что возможный запрет на священнодействие со стороны Сербской церкви и поддержка ею Московской патриархии поставили бы в тяжелое положение заграничных архиереев и, в-третьих, что единственным выходом в имевшихся обстоятельствах стало бы сохранение фактического положения вещей, то есть самостоятельной деятельности Русской православной церкви за рубежом⁷¹.

67 Там же.

68 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1932). Глас православне литванске епархије. Ковно. 14. фебруар 1932. Официальный перевод на сербский язык.

69 *Јером. Д.* Српска црква и Васељенска патријаршија // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1932. № 11. С. 170–171.

70 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1933). Заседање од 16–29 маја 1933. Записник 10. седнице. С. 66.

71 *Пузовић В.* Посредовање српског патријарха Варнаве Росића у канонском спору између Московске патријаршије и Архијерејског синода Руске заграничне цркве // Српска теологија данас (28–29. мај 2010). Београд, 2011. С. 458–459.

Митрополит Антоний Храповицкий оповестил свою паству о намерениях и дипломатических усилиях Московской патриархии, напомнив лишний раз, что для него как церковного архиерея неприемлема позиция митрополита Сергия, заявившего, что «радости и успехи советских властей – это его радости и успехи, а враги советских властей – это его враги». Антоний напомнил, что речь идет о безбожниках⁷².

Администрация патриарха Варнавы и синодальные круги Сербской православной церкви следили за событиями и располагали точными данными о соотношении сил русских церковных группировок «за границей». В 1934 г. оно было следующим: за границей находилось 32 русских архиерея, из которых старшинство митрополита Антония признавали 22; 6 входили в состав группы митрополита Американского Платон; 4 – митрополита Западноевропейского Евлогия⁷³.

В 1935 г. Сербская православная церковь организовала несколько встреч Карловацкого синода Русской церкви за рубежом с митрополитом Евлогием. Первое совещание епископов Русской православной церкви за рубежом по вопросу восстановления мира и единства состоялось под председательством патриарха Варнавы Росича 18/31 октября 1935 г. в Сремских Карловцах. Присутствовали митрополиты Евлогий, Теофил, архиепископ Анастасий и епископ Димитрий. Евлогий заявил, что из отношений «заграничных епископов исчезли взаимная связующая братская любовь, уважение, взаимное доверие, а вместо этого развивается атмосфера подозрительности и враждебности. Необходимо избавиться от этой вредной психологии, и тогда быстро восстановится прочный церковный мир»⁷⁴. На вопрос патриарха Варнавы – готов ли митрополит Евлогий выйти из-под юрисдикции Константинопольского патриарха – тот ответил, что это могло бы произойти только с благословения первоиерарха церкви на Босфоре. Этого знака было достаточно для

72 Окружное послание Собора Русскихъ заграничныхъ Архiereевъ православной русской паствѣ по поводу посланія Заместителя Местоблюстителя Патриаршаго Престола Митрополита Сергія отъ 23. марта 1933. Года. Новый Садъ, 1933 (без пагинации).

73 Руски епископи у иностранству // Гласник – службени орган Српске православне патријаршије. 1934. № 23–24. С. 372.

74 Совещание глав Русской зарубежной церкви под председательством святейшего патриарха Варнавы, под редакцией Г. М. Солдатова. Minneapolis, Minnesota, 2004. С. 24.

того, чтобы патриарх Варнава собрал воедино все церковные и дипломатические силы и предложил свое посредничество⁷⁵.

В ходе прямых переговоров митрополит Евлогий твердо, хоть и дипломатическими средствами, оправдывал свой статус «экзарха Константинопольской патриархии», напоминая, что и митрополит Антоний был «экзархом» Константинопольского патриарха Иоакима III в «Галиции и Прикарпатской Руси» в 1921-1922 гг. Архиепископ Анастасий и епископ Димитрий отвергали эту аналогию под тем предлогом, что «экзархат» Антония опирался на разрешение Русского священного синода, а с другой стороны, канонической опорой существования Русской православной церкви за рубежом служил указ патриарха Тихона № 362 от 7/20 ноября 1920 г.⁷⁶

27 октября / 9 ноября 1935 г. на втором совещании обсуждался принципиальный вопрос территориального охвата архиерейской власти (митрополичьи округа) в Русской православной церкви за рубежом, а также проблемы выбора епископов и соборной деятельности (Собор и Синод)⁷⁷. О том же говорили и 1/14 ноября⁷⁸. В ходе четвертого заседания, состоявшегося 2/15 ноября 1935 г. митрополит Евлогий ясно обозначил свою позицию: «О моем положении как экзарха Константинопольского патриарха. Я и моя паства, мы все высоко оцениваем это положение, потому что оно нас в тяжелые годы защищало и продолжает нас защищать от всех нападков из Москвы. Даже если бы их и не было, оно нас привело к общению с Вселенской церковью, оно дает нам, моей церковной совести и моей пастве мир и спокойствие. Поэтому я не могу и не стану просить Вселенского патриарха освободить меня от этого звания»⁷⁹. Митрополит Евлогий по-прежнему полагал, что может участвовать в переговорах о единстве Русской православной церкви за рубежом, однако при этом он не хотел лишиться мощного покровительства со стороны исторически значимой и авторитетной Константинопольской патриархии, то есть «Вселенской церкви».

Русская эмигрантская печать с воодушевлением восприняла посредническую роль патриарха Варнавы Росича в деле примирения церковных фракций русского зарубежья. Выдержки из газет «Право-

75 Там же. С. 25.

76 Там же. С. 26.

77 Там же. С. 28–29.

78 Там же. С. 29–30.

79 Там же. С. 31.

славная Русь» и варшавского «Слова» были доступны для чтения на сербском языке. Статья из последней гласила: «Подвижничество и духовный подвиг Его Святейшества Патриарха Сербского Господина Варнавы в этом великом и святом деле во благо Православной церкви оценят по достоинству история и души миллионов православных русских людей, которые сидят и плачут “на реках вавилонских”... потому что сербский первоиерарх “в годы тяжелых искушений православной русской Церкви протянул сильную и братскую руку помощи”»⁸⁰.

*Патриарх Гаврило Дожич и митрополит Анастасий
Грибановский*

Выбор митрополита Черногорско-Приморского Гаврило Дожича патриархом Сербским, его восшествие на престол и начало активного служения не стали неожиданностью для высших иерархов Русской православной церкви за рубежом. В ходе церемонии возведения на престол, состоявшейся 22 февраля 1938 г. в Кафедральном соборе в Белграде, митрополит Анастасий Грибановский как русский заграничный первоиерарх в своем первом обращении к новоизбранному Сербскому патриарху не мог удержаться от того, чтобы выразить чувство благодарности предшественнику Дожича за покровительство, оказанное русским беженцам: «С чувством глубокой радости и наша Русская церковь за рубежом принимает участие в этом торжестве и радости Сербской православной церкви, вспоминая при этом с благодарностью о той любви, которую оказывал Блаженнопочивший король Александр и Ваш предшественник Блаженноупокойшийся Патриарх Сербский Варнава»⁸¹. Если и присутствовал оттенок дипломатической учтивости в процитированном отрывке выступления Анастасия, рассчитывавшего продолжить пользоваться необходимой поддержкой, то завершающие его слова нельзя назвать дипломатичными, так как в них новый патриарх как-бы предстает в тени своего предшественника: «Молю Бога,

80 Страни листови и часописи – успостављен је мир у Руској цркви // Гласник – службени орган Српске православне патријаршије. 1935. № 33. С. 612.

81 Свечано устоличење Његове Светости патријарха српског господина Д-р Гаврила // Гласник – службени орган Српске православне патријаршије. 1938. № 7. С. 128, 122–128.

чтобы в лице Вашем Сербская церковь обрела опять достойного вождя, каким был Ваш предшественник»⁸².

Любопытно, что составителю первой официальной патриаршей биографии Гаврило Дожича пришлось в подтверждение русофильства нового патриарха опираться на традиционные исторические стереотипы: «Как и любой черногорец, Его Святейшество Патриарх Гаврило, по традиции, любит православную славянскую Россию и с участием следит за варварскими преследованиями, которым подвергается Православная Церковь в России. Так, в 1923 г. в ходе Всеправославного конгресса он выступил с предложением осудить тяжкие преследования Православной Церкви в России со стороны советских кремлевских властителей»⁸³. Известно, что его предшественник – патриарх Варнава – учился в России и был знатоком русской культуры и церковной жизни⁸⁴.

Под влиянием прискорбных событий и начала войны в Европе в 1939 г. патриарх в своем рождественском послании призвал к согласию, поддержанию единства общего государства, а также высказал некоторые опасения: «В это время, когда встал вопрос, что кому принадлежит, Святой архиерейский собор верит, что зрелая рассудительность, которая так нужна в свете происходящего в мире, позволит привести в гармонию интересы нашего отечества в целом с пользой и прогрессом всех ее частей... потому что твердо верит, что сербская кровь, пролитая за создание и величие этого отечества, за народное и государственное единство, пролита не напрасно»⁸⁵. Сербская православная церковь не аполитично, а с живым интересом восприняла формирование Бановины Хорватия.

82 Там же. С. 128.

83 Његова Светост патријарх српски господин Д-р Гаврило – живот и рад Његове Светости // Гласник – службени орган Српске православне патријаршије. 1938. № 7. С. 131.

84 Игумен Аверкий из Прикарпатской Руси опубликовал статью о патриархе Гаврило в журнале «Православни карпаторуски весник», где подчеркнул следующее: «Хотя патриарх Гаврило, в отличие от многих сербских иерархов, не учился в России, он, согласно своим собственным убеждениям, позиционирует себя как подлинный черногорец. И самим этим определяется его отношение к России» (Његова Светост патријарх Гаврило // Гласник – службени орган Српске православне патријаршије. 1938. № 16. С. 402–403.)

85 Гаврило Божијом милошћу архиепископ пећки, митрополит београдско-карловачки и патријарх српски са Светим архијерејским сабором Српске православне цркве свему часном презвитерству... // Гласник – службени лист Српске православне цркве. 1940. № 1–2. С. 4–5.

В своем обращении к пастве в канун нового 1940 г. патриарх вспомнил и о положении русского народа и церкви, попросив верующих молить Бога «вернуть воскресение свободы и подарить мир и благополучие великой славянской земле России и братскому русскому народу»⁸⁶.

После ухода митрополита Антония Храповицкого, умершего в 1936 г., а также преждевременной кончины патриарха Сербского Варнавы в 1937 г. новые люди встали во главе Русской православной церкви за рубежом и Сербской православной церкви. Можно сказать, что, несмотря на учтывую протокольную риторику, постепенно происходило личное и институциональное отдаление двух церковных общностей, потому что ушли в прошлое готовность и стремление совместными усилиями справляться с общими вызовами и заботами.

Заключение

Существование Русской православной церкви за рубежом и ее деятельность, в особенности, политические выступления ее иерархов пали тяжким бременем на плечи Московской патриархии, оказавшейся под наблюдением и давлением со стороны полицейско-бюрократического аппарата советской власти. Благодаря русским эмигрантам Сербская православная церковь была хорошо осведомлена о ситуации в Советском союзе, а именно, о преследовании православных иерархов, уничтожении храмов и многих исторических святынь православия, убийстве высшего и низшего духовенства, нарушении свободы совести и вероисповедания... В отличие от Константинопольской (Вселенской) патриархии, Сербская православная церковь никогда не поддерживала связей с «Живой церковью» и обновленцами. Та представляла собой большевистское изобретение, эдакий *сogrus sergatum*, образованный из овдовевших и женатых (в том числе по несколько раз) священников, псевдоцерковное движение, которое должно было превратить Русскую православную церковь в организацию, удобную для нового режима. И, более того, примирить ее в доктринальном отношении с такими общественными реалиями, как марксизм и социализм.

86 Негова Светост патријарх српски Господин Гаврило пастви својој на прагу нове 1940. године // Гласник – службени лист Српске православне цркве. 1940. № 3. С. 83.

После смерти патриарха Тихона Белавина в 1925 г. и непродолжительного «межсинодского периода» во главе Московской патриархии встал заместитель местоблюстителя патриаршего престола митрополит Сергей Страгородский. Его курс на компромисс с советской властью, отправной точкой которого стала известная «Декларация» (1927), а также позиция, что члены Православной церкви могут быть лояльными гражданами Советского союза, встретили осуждение со стороны находившихся в эмиграции традиционно и консервативно настроенных иерархов Русской православной церкви за рубежом – так называемого Карловацкого управления. Группа русских заграничных архиереев, сплотившихся вокруг Антония Храповицкого, после 1927 г. еще отчетливее высказывала свою антибольшевистскую направленность и временами позиционировала себя как совесть и духовный центр гонимого русского народа и Церкви, располагающий последователями не только в Королевстве СХС/Югославия, но и по всему русскому зарубежью – в Северной Америке, Западной Европе, на Балканах, Дальнем Востоке, то есть во всех пределах, охваченных соборно-синодальным устройством Русской церкви за рубежом.

Имевшие место расхождения двух духовных лидеров русского зарубежья – митрополита Антония Храповицкого и митрополита Западноевропейского Евлогия Георгиевского – обострились до открытого противостояния и разрыва церковного общения после того, как последний согласился с церковной политикой митрополита Сергея, а именно, с его компромиссной позицией в отношении советской власти. Сербскую православную церковь обе церковные фракции русской эмиграции – Карловацкое управление и Экзархат в Западной Европе – информировали о развитии ситуации или, говоря другими словами, доносили до ее сведения собственное видение происходящего. Несмотря на практическую помощь, оказываемую карловацкой группе архиереев, Сербская церковь никогда публично не осуждала ни одну из русских церковных фракций. Будь то архиереи, оказавшиеся в эмиграции, или Московская патриархия, которая, хоть и подверглась репрессиям со стороны политических властей, по-прежнему оставалась легитимным историческим духовным центром русского народа и его православного самосознания. При этом для Сербской православной церкви назначение митрополита Евлогия Георгиевского «Экзархом Западных церквей», предпринятое Константинопольской патриархией в 1931 г., обернулось определенными, хотя и незначительными затруднениями.

Radovan Pilipovich, Ph.D.,
Archive of the Serbian Orthodox Church

The Russian emigration's church fractions between the Belgrade and Constantinople (1920-1940)

Abstract: Based on the archival sources, mainly Serbian church provenience, the article deals with the canonic-legal and diplomatic status of the emigrant hierarchy of the Russian Orthodox church that have formed in the Kingdom of SCS / Kingdom of Yugoslavia the Russian Orthodox Church outside Russia. Acknowledging and analyzing the key moments and persons of the Russian Orthodox Church outside Russia, its relations with the Serbian Orthodox Church and Ecumenical Patriarchate of Constantinople, it's been shown the political factor as well – the communist regime, that have generated the status of Moscow patriarchate, as well as her relations with the exiled Russian hierarchy in the Balkans and in Western Europe.

Key words: Russian Orthodox Church outside Russia, Serbian Orthodox Church, Moscow patriarchate, Ecumenical Patriarchate of Constantinople, Serbian patriarchs Dimitry, Varnava and Gavriilo, Metropolitan Antony Khrapovitsky, Metropolitan Anastasy Gribanovsky, Metropolitan Eulogius Georgiyevsky.